
S E R I E S

STUDIES IN RUSSIAN
INTELLECTUAL
HISTORY

Edited by
Modest A. Kolerov

«TRI QUADRATA»
MOSCOW 2002

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2001/2002

Под редакцией М. А. Колерова

«ТРИ КВАДРАТА»
МОСКВА 2002

Николай Плотников

**Идея «конкретного субъекта»
в западноевропейской и русской
философии первой половины XX века**

К постановке проблемы

1

К числу наиболее распространенных фигур толкования истории русской философии относится ее характеристика в качестве «конкретной философии». Этой формулой пользуются практически все историки русской философии в XX веке, будь то в критическом смысле, как Г.Г. Шпет и Б.В. Яковенко, будь то в апологетическом смысле, как А.Ф. Лосев, В.В. Зеньковский и Н.О. Лосский. Перу Лосского принадлежит даже специальная статья, в которой он определяет «стремление к конкретности» как характерную черту русского философствования¹. Подобным суждениям свойствен также полемический оттенок противопоставления русского философствования «абстрактной» западной философии. Впервые, насколько мне известно, эту формулу в качестве общей историографической характеристики пустил в ход Н.А. Бердяев в своей статье 1904 года о Хомя-

¹ *Н.О. Лосский. Идея конкретности в русской философии // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 127–135.*

кове, говоря о его конкретном спиритуализме как начале самостоятельного русского философствования². В статье Бердяева в «Вехах» этот тезис дополняется историографической схемой, которая прочерчивает линию от славянофилов к Вл. Соловьеву, а оттуда к самим авторам известного сборника. Также и здесь основной характеристикой особого пути русской философии называется переход к «конкретному идеализму, к онтологическому реализму, к мистическому восполнению разума европейской философии, потерявшей живое бытие»³. Надо ли упоминать, что далее этот тезис кочует из одной книги Бердяева в другую, приобретая от частоты его повторения характер очевидной истины. К моменту выхода книги Бердяева о Хомякове⁴, где он развивается в целую историю русской философии («наши деды — славянофилы»), формула особого интереса русской мысли к конкретному становится общим местом философской дискуссии, приобретая, например, в книге В.Ф. Эрнэ «Борьба за Логос» характер боевого клича нового славянофильства. До этого времени термин «конкретный» вовсе не использовался для описания особенностей русской мысли, а применялся даже теоретиками национализма в нейтральном смысле, как, например, в книге консервативного публициста Петра Астафьева «Психологический мир женщины» (1881): «*конкретность и практичность* [суть] две наиболее бесспорные и общепризнанные характерные черты специфически женского мышления»⁵.

² Н.А. Бердяев. А.С. Хомяков как философ // Н.А. Бердяев. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 60–67.

³ Н.А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 26–27.

⁴ Н.А. Бердяев. А.С. Хомяков // Н.А. Бердяев. Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. Париж, 1997. С. 98, 196 сл.

⁵ П.Е. Астафьев. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 281. В сводной характеристике «отличительных черт рус-

Но даже если отвлечься от толкований, развиваемых в рамках истории философии вслед за Бердяевым, то все же бесспорно, что термин «конкретный» встречается в качестве самохарактеристики у значительного числа авторов, принадлежавших различным течениям философии в России. «Конкретный идеализм» С.Н. Трубецкого, «конкретный спиритуализм» Л.М. Лопатина и В.С. Шилкарского, «конкретный идеал-реализм» Лосского, «конкретное познание» Франка, «конкретный разум» Шпета и т. д. — таковы лишь наиболее известные самоназвания идей и концепций, содержащих программно заявленное «обращение к конкретному». К ним можно добавить и заголовки книг, вроде «Учение о конкретности Бога и человека» (И.А. Ильин), «Fichtes System der konkreten Ethik» (Г.Г. Гурвич). Каковы в этих случаях мотивы использования данного термина?

Беглый взгляд на историю понятия «конкретный»⁶ в русском философском языке показывает нам двойственное его значение, трудно различимое в рамках массового словоупотребления в XX веке. Впервые этот термин вводится в русский язык в 1830-е гг. в московских философских кружках и, специально, в «Отечественных Записках», на что обращает внимание В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1840 году»: «Отечественные Записки употребляют следующие, до них никем не употреблявшиеся и неслыханные слова: *непосредственный, ... имманентный, ... созерцание... момент, определение, отрицание, абстрактный, абстрактность, рефлексия, конкретный, конкретность*»⁷. Нетрудно увидеть, что вся эта нововведенная терминология

ского народного духа» Астафьев хотя и упоминает «деятельный, практический» аспект, но с предикатом «конкретный» его не связывает. (С. 42 сл.).

⁶ См. в связи с этим: В.В. Виноградов. История слов. М., 1999. С. 194, 375, 915; Ю.С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М., 1965. С. 68 сл., 79 сл.

⁷ В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1954. С. 438.

гия является результатом прямого заимствования из гегелевской философии. В отношении термина «конкретность» Белинский дает в другой статье (рецензия на «Уголино» Полевого) специальное разъяснение: «Это слово принадлежит новейшей философии и имеет обширное значение. Здесь мы употребляем его как выражение органического единства идеи с формой. Конкретно то, в чем идея проникла форму, а форма выразила идею... *Конкретности* противопоставляется *отвлеченность*»⁸. Эта гегельянская традиция словоупотребления продолжается и в последующем, в силу чего «конкретность» маркируется в обычном словоупотреблении как специфически философский, можно сказать, «абстрактный» термин. Примером такого восприятия слова «конкретный», жестко связанного с «философскими материями», может служить следующий диалог из ранней пьесы Льва Толстого «Зараженное семейство» (1864):

Любочка. Отчего Катя все говорит, что я недоразвита. Я все новые идеи так понимаю, так все понимаю!

Венеровский. Да-с, вам трудно выяснить мою мысль. Но я постараюсь выразить ее конкретнее.

Любочка. Как вы сказали? конкретнее? А еще я знаю — гносеологический путь. А еще эфику знаю... Ну, говорите, что вы хотели»⁹.

При этом в словоупотребление конца XIX века вторгается иная смысловая линия, которую можно назвать «эмпирической». Тот же Толстой в своем «Дневнике» (1895) про-

⁸ В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений / Под ред. С.А. Венгерова. Ч.1. СПб., 1906. С. 710. Критики Белинского настаивали на термине «вещественность» как противоположном «отвлеченности». (См.: Ю.С. Сорокин. Цит. соч. С. 80).

⁹ Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1932. С. 235. О замысле Толстого изобразить новое поколение интеллигенции и представить характерные для него языковые клише см. комментарий к пьесе (С. 399).

тивопоставляет «абстрактным» наукам — математике, астрономии «конкретные» — биологию, антропологию, социологию, т. е. такие, которые имеют дело с индивидуальным, единичным бытием, а не с общими сущностями. И даже Словарь Даля фиксирует именно такое значение, пренебрегая столь важными для Бердяева и Лосского «цельностью», «сращенностью» и «полнотой»: «Конкретное понятие — выражающее предмет определенный; прикладное, точное, прямое, предметное; противоположность *отвлеченное, общее, идеальное, мысленное, умозрительное*». Эта линия словоупотребления была усилена на рубеже XIX и XX веков массивным вторжением позитивистской философии, которая, особенно, в лице Э. Маха и Р. Авенариуса, провозгласила обращение к «конкретному» опыту способом освобождения от метафизических (в первую очередь гегельянских) абстракций и спекуляций. Апелляция к «живому опыту» составляет вообще характерную черту позитивистского мышления конца XIX века с его опорой на научное (в первую очередь естественнонаучное) исследование. К этому также необходимо прибавить воздействие философии жизни, в которой термин «конкретное» также (по крайней мере, у А. Шопенгауэра) используется в качестве самохарактеристики.

2

УЖЕ ЭТОТ беглый очерк истории понятия показывает, в противоположность распространенному тезису историографии о специфичности идеи конкретного для русской философии, что «обращение к конкретному» есть тема общеевропейской философской дискуссии рубежа XIX и XX веков и только в контексте таковой может быть вообще понят смысл задействия этой идеи в системе философской аргументации.

В термине «конкретность» фиксируется некая общая тенденция развития европейской философии, которую

можно условно обозначить как «поворот к жизненному миру». Такое обозначение характеризует целый ряд философских программ, сформулированных на рубеже веков в рамках феноменологии, философии жизни, прагматизма. Всем этим позициям свойственна попытка найти в области теории познания, философии религии, антропологии или эстетики теоретический выход из противоположности фактического осуществления познания и его идеальной значимости. Вопросом, который становится центральным мотивом преодоления этой противоположности, является проблема прояснения статуса субъекта в системе философских принципов. Коротко говоря, тот переворот, что происходит в европейской философии между 1871 годом (выход труда Г. Когена «Кантова теория опыта») и 1927 (выход «Бытия и времени» М. Хайдеггера), можно обозначить как переход от понимания субъективности как чистого принципа обоснования познания к реконструкции «конкретного субъекта», охватывающей все способы отношения человека к миру, а не одно лишь научное отношение, как это имело место в неокантианстве¹⁰. При этом речь идет не об отказе от измерения общезначимости (хотя, конечно, имеются варианты позиции чистого релятивизма и скептицизма в отношении возможности intersubjectивного познания), а, наоборот, — о попытке сохранения трансцендентально-философского подхода. Субъект в его практической, культурной и языковой определенности рассматривается как инстанция intersubjectивно значимых познавательных функций — таков в общем виде тезис концепции «конкретного субъекта», которая приходит на смену «философии сознания» XIX века. Основная ее проблема (в формулировке С. Франка) такова: «Как человек, живое индивидуальное человеческое

¹⁰ См. подробнее: К.Ф. Гетманн. От сознания к действию. Прагматические тенденции в немецкой философии первых десятилетий XX века // Логос. 1999. № 1 (11). С. 19–47.

сознание достигает объективной сверхиндивидуальной истины?»¹¹ Эта теория критически направлена в первую очередь против основных абстракций, имплицитно предполагавшихся прежним пониманием философии как теории «чистого» познания — отвлечения от исторической определенности познания, от включенности субъектов в культурные контексты и от языкового структурирования познания. Предшественником этого движения выступил В. Дильтей, еще в период расцвета неокантианства провозгласивший основной темой философии «конкретную историческую субъективность» в противоположность идее гносеологического субъекта: «В жилах познающего субъекта, какого конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности»¹². В позитивном смысле концепция «конкретного субъекта» включает в себя различные варианты прояснения вопроса об онтологии субъекта, т. е. проблемы определения специфического модуса бытия человеческой субъективности, не растворимой ни в фактическом бытии, ни в бытии идеальных значений. Целый спектр вариантов культурной, антропологической, языковой и т. д. определенности познания, сформулированных в первой половине XX столетия, составляет предмет дискуссии в европейской философии вплоть до сегодняшнего дня.

3

ЦЕНТРАЛЬНАЯ проблема концепции «конкретной субъективности» развивается в полемике с теорией «трансцендентального субъекта» и с основанном на ней противополжении философии как «логики значимости» и психологии

¹¹ С.Л. Франк. Душа человека // С.Л. Франк. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995. С. 441.

¹² В. Дильтей. Введение в науки о духе // В. Дильтей. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 2000. С. 274.

как науки о фактическом осуществлении познавательных актов. Теория «трансцендентального субъекта» базируется на кантовском запрете самопознания, высказанном им в первой «Критике» в главе о «Паралогизмах чистого разума». Смысл логической ошибки, которую Кант обнаружил в основании метафизической психологии с ее тезисом о субстанциальности души, заключается в незаконном отождествлении субъекта как «агента познания» и субъекта как предмета познания, в результате чего аналитические условия описания познания принимаются за реальные свойства мыслящего индивидуума. Познавать в категориальном смысле можно лишь свойства (предикаты), которые приписываются человеку как предмету; сам акт же приписывания себе свойств не может быть свойством или предметом познания, поскольку он составляет априорное «условие возможности» познания, т. е. приписывания предмету свойств. Иными словами, субъект как активный принцип познания (трансцендентальный субъект, «чистое Я») представляет собой всегда лишь предпосылку познания, тогда как субъект как конкретное существо (эмпирический субъект) — всегда лишь материал познания. Для заключения от познания второго к высказываниям о первом нет никаких познавательных средств. Точнее говоря, вопрос о свойствах трансцендентального субъекта, т. е. о его предметной определенности, сам по себе бессмыслен, ибо таковой мыслим лишь как акт, а не как вещь. А это значит, что всякое содержательное определение субъекта познания, будь то антропологическое, будь то психологическое, нейрофизиологическое или социально-экономическое, касается лишь конституированного субъекта — познающего человека, но не субъекта как инстанции значимости («трансцендентальное Я»).

Внутренние противоречия этого кантовского запрета, усиленного в неокантианстве до идеи «сознания вообще» как чистого безатрибутного акта, были выявлены в дискуссии о философии сознания на рубеже XIX–XX веков. Ведь

если субъекту в смысле акта невозможно ничего предсказать, то о нем нельзя высказать даже то, что он есть «Я». Он неопределим, подобно платоновскому сверхбытийному Единому. Но тогда совершенно непонятно приписывание ему функции конституирования познания. Самопротиворечивость экспликации субъективности в кантианской традиции связана со структурой принимаемой ею модели самосознания. Ее можно назвать моделью «рефлексии», в которой знание субъекта о себе оказывается результатом рефлексивного обращения на самого себя. При этом, однако, происходит расщепление самосознания на Я-субъект и Я-объект. Я-объект оказывается пассивным материалом, напротив Я-субъект — чистым актом. Их тождество здесь не доказывается, а лишь догматически постулируется. Тогда оказывается, что либо самосознание невозможно — утверждение, прямо противоречащее непосредственному опыту, либо требуется иная модель самосознания, в которой субъект представлял бы отчасти конституированным (а значит, и познаваемым), отчасти конституирующим (а значит, и познающим).

При разрешении этой дилеммы и складывается идея «конкретного субъекта», целью которой является преодоление пропасти между эмпирическим и трансцендентальным субъектом. Варианты обоснования этой идеи предлагаются (в немецкой философии) как в позднем неокантианстве (в философии культуры Э. Кассирера), так и в феноменологии (аналитика «здесь-бытия» М. Хайдеггера), в философской антропологии и в философии жизни. Смысл преобразований, вводимых этими концепциями, состоит в доказательстве того обстоятельства, что способность конституирования мира является не атрибутом чистого сознания, а функцией реального человека в процессе социальной коммуникации. В контексте философской дискуссии во Франции сходные идеи развиваются в книге Ж. Валя «Vers le concret» (1932), которая дала, по замечанию Сартра, лозунг «конкретная философия» целому поколению французских философов, а также в работах Г. Марселя.

4

ДИСКУССИЯ об идее «конкретной философии» в России является составной частью очерченного поля проблем. На общность тенденции указывает факт *исторических интерференций* в европейской дискуссии. Напр., Г. Гурвич, знакомя французскую публику с новшествами немецкой философии (в кн. «*Les tendances actuelles de la philosophie allemande*» [1928]), структурировал результаты немецкой дискуссии с помощью категории «конкретного идеал-реализма», взятой из контекста обсуждения философии Лосского. Или Н. Гартман, бывший одним из наиболее последовательных критиков неокантианства и создателем «онтологической» теории познания, воспринимался как посредник между русским и немецким контекстом философского развития. По крайней мере, Б. Яковенко неизменно упоминал Гартмана в своих обзорах развития русской философии. Наконец, активное обсуждение идей М. Шелера и, позднее, М. Хайдеггера русскими философами в эмиграции также свидетельствует, по крайней мере в тенденции, об общности философских задач.

5

В КОНЦЕПЦИИ «философской психологии», развиваемой С. Франком, кантовская проблема паралогизма при истолковании субъективности является отправным пунктом аргументации в пользу идеи «конкретного субъекта»¹³. Центральным критическим аргументом Франка, обосновывающим возможность постижения специфической формы бытия субъективности, является доказательство несостоятельности натуралистической психо-

¹³ См.: С.Л. Франк. Цит. соч. С. 430 сл.

логии в экспликации сущности психической жизни. Ведь именно натуралистическое истолкование психического как естественнонаучного феномена и было причиной резкого разделения психологии и теории познания, которое отстаивали неокантианцы. Если предпосылка этого разделения устраняется, т. е. доказывается, что познавательные акты неверно истолковывать как естественные процессы и что возможно их постижение изнутри целостной психической жизни, тогда оказывается, что теория чистого субъекта — это неоправданная идеализация, которая не может быть операционализирована в анализе познавательной деятельности, в особенности в сфере гуманитарного знания.

Но не только в критике натурализма, но и в позитивной постановке проблемы Франк закладывает основы концепции конкретной субъективности. Он ставит вопрос о прояснении специфического статуса той реальности, которая наделена способностью спонтанного, деятельного отношения к миру, а также определяет условия возможности познания реальности душевной жизни или самопознания, каковые Франк обозначает термином «живое знание».

Не буду разбирать детали аргументации Франка, обосновывающей его тезис о «целеустремительности» как существенной характеристике бытия психического¹⁴. Замечу лишь, что, несмотря на точную формулировку задачи философской психологии или антропологии, Франку так и не удастся без противоречий определить статус психического как самостоятельного модуса бытия. В силу предпосылок своей концепции, а именно «метафизического реализма», он вновь вынужден также и в рамках психической жизни постулировать дихотомию непо-

¹⁴ Там же. С. 527 сл.

¹⁵ Там же. С. 479.

средственного бытия и сознания (для-себя-бытия): «Момент непосредственного бытия есть более существенный и первичный признак душевной жизни, чем момент сознания»¹⁵. Но в такой экспликации остается совершенно необъяснимым, каким образом в психическую жизнь привходит момент сознательности или интенциональности, если он отсутствовал в первичном факте непосредственного переживания. Либо целеустремительность — это действительно общая характеристика способа бытия психического, но тогда нужно проследить ее и обнаружить в самом элементарном психическом переживании, либо сфера психического оказывается вновь разделенной на пассивный слой переживаний и активный слой сознания. Но тогда не достигается никакого прогресса в аргументации по сравнению с кантовским разделением трансцендентального и эмпирического субъекта. То же самое относится и к эпистемологическому аспекту проблемы, поставленной Франком: если «живое знание» описывается как непосредственное тождество познающего и познаваемого, как их слитность в бытии, то остается необъяснимым, как здесь вообще можно вести речь о «знании», которое всегда имеет характер различенности как «знание о чем-то».

6

АЛЬТЕРНАТИВНУЮ версию разрешения данного вопроса предлагает Г. Шпет, который ставит под сомнение саму проблему «трансцендентального Я», развивая идею «бессубъектного» сознания¹⁶. Шпет занят решением вопроса о возможности постижения человеческой индивидуальности и ее онтологического статуса, отличного от

¹⁶ Г.Г. Шпет. Сознание и его собственник // Г.Г. Шпет. Философские этюды. М., 1994. С. 20—116.

способа бытия как других предметов, так и идеальных сущностей. Полемизируя с различными вариантами теории субъективности, отождествляющими единство сознания с Я, Шпет развивает такую интерпретацию индивидуальности, в которой она оказывается лишь «предметом», конституируемым в отношениях социального общения, но также и определяющим сами эти отношения. Эта двойственность природы человеческой субъективности разбирается Шпетом в концепции «разумной мотивации»: человеческая личность является одновременно и определенным предметом, и центром активности, причем для характеристики индивидуального в ней требуется взаимосвязанное рассмотрение обоих моментов. Слитность их Шпет фиксирует в том, что человеческая индивидуальность — это часть предметного бытия, способная давать *свою интерпретацию бытия в целом*. Только таким образом становится понятной возможность свободы при условии предметной определенности человеческой личности. Поскольку же всякая интерпретация бытия есть социально артикулированный феномен, постольку человеческое Я может рассматриваться как единственный социальный предмет, неразложимый на совокупность отношений подобно всем остальным предметам.

В этой аргументации Шпета причудливым образом переплетаются некоторые идеи ранней феноменологии Гуссерля с концепциями сознания в учениях В.С. Соловьева и С.Н. Трубецкого. Можно заметить в заключение, что Шпет не одинок в своем тезисе о бессубъектном сознании, или «сознании без собственника». Сходный вариант понимания конкретного бытия сознания развивал и Сартр в своей феноменологической концепции, полемизируя против представления о Я как «обитателе сознания».

7

МОЖНО ФИКСИРОВАТЬ отличия русских философов в истолковании «конкретной субъективности» от близких им позиций немецкой философии, упоминая, в частности, стремление к созданию «реалистической» концепции самосознания путем модификации или даже отказа от трансцендентализма. Но в русской философии существуют ведь и совершенно противоположные варианты теории субъекта, например бердяевская, в которой тезис о примате свободы над бытием делает субъективность совершенно непознаваемой, в чем она скорее сродни агитационно-пропагандистской философии Фихте, нежели философской антропологии Франка. Поэтому более осмысленной и плодотворной является дифференциация концепций по способу аргументации, а не по общим национальным признакам. «Конкретность» — это отвлеченная формула определенной эпохи общеевропейской дискуссии, отголоски которой слышны и поныне, а вовсе не специфический лозунг русского философствования.